

A

$\frac{228}{712}$

КУМА-ЛИСА.

Изданія И. Г. СОВѢТОВА.

Италіянско - русскій словарь съ приложеніемъ теоріи италіянскаго языка и краткаго русско - италіянскаго словаря. Составилъ И. Г. Совѣтовъ. Цѣна 2 рубля.

Стихотворенія А. М. Ѳедорова. Цѣна 1 рубль.

Кума - Лиса. 20 басенъ И. А. Крылова о Лисѣ. Цѣна 5 коп.

Книги эти продаются во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ ихъ въ магазинѣ „Трудъ“ (Москва, Тверская, д. Гинцбургъ, бывшій Пушкинскій театръ, близъ булочной Филиппова). Выписывающіе отъ Ив. Гаврил. Совѣтова (Москва, Тверской бульваръ, Сытинскій пер., д. 4, кв. 8) за пересылку не платятъ. „Кума-Лиса“ высылается въ Москвѣ и въ провинцію за семикопѣчную марку.

КУША-ЛИСА.

Двадцать басенъ И. А. КРЫЛОВА
о Лисѣ.

Люблю я съ дѣтства, съ баснями въ рукахъ
Забывъся и сидѣть по-долгу вечерами;
Люблю ловить послушными мечтами
Забавной выдумки плѣнительный размахъ.
Люблю я жить одной душой съ природой,
Волшебный міръ съ зѣриною породой
Мнѣ, какъ ребенку, правится подчасъ:
То надъ осломъ смѣешься втихомолку,
То соблазнишь „обиженному“ волку,
То отъ лисы не отрываешь глазъ...

(Изъ „Новостей“, 1894 г., 9 Ноября, № 309)

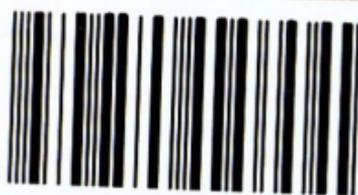
МОСКВА.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ В. О. КУДИНОВА, УГ. Б. ЯКИМАНКИ.

1895.

Дозволено цензурою. Москва, 14 октября, 1894 г.

18626-0

2007115422

БАСНИ И. А. КРЫЛОВА
О ЛИСѢ.

ВОЛКЪ И ЛИСИЦА.

Охотно мы даримъ,
Что намъ не надобно самимъ.
Мы этой басней пояснимъ,
Затѣмъ, что истина сносно въполоткрыта.

Лиса, курятинки накушавшись досыта,
И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній
часть.

Глядитъ, а въ гости къ ней голодный волкъ тащится.

„Что, кумушка, бѣды!» онъ говоритъ:—

„Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться;

Меня такъ голодь и морить;

Сабаки злы, пастухъ не спить,

Пришло хоть удавиться!»

— «Неужли?» — «Право такъ.» — «Бѣдняжка-
куманекъ!

Да не изволишь ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ:

Я куму услужить готова.»

А со лжецомъ во всякомъ дѣлѣ мука;
Такъ это, думаль царь, не царская наука.
Отдать кроту? О немъ молва была,
Что онъ во всемъ большой порядокъ любитъ.
Безъ ошупи шага не ступить,
И всякое зерно для своего стола
Онъ самъ и чистить, самъ и лупить;
И словомъ, слава шла,
Что кротъ великій звѣрь на малыя дѣла;
Бѣда лишь: подъ носомъ глаза кротовы зорки,
Да вдаль не видятъ нечего;
Порядокъ же кротовъ хорошъ, да для него;
А царство львиное гораздо больше норки.
Не взять ли барса? Барсъ отваженъ и силенъ;
А сверхъ того великій тактикъ онъ;
Да барсъ политики не знаетъ,
Гражданскихъ правъ совсѣмъ не понимаетъ:
Какіе жъ царствовать уроки онъ подасть!
Царь долженъ быть судья, министръ и воинъ;
А барсъ лишь рѣзаться гораздъ;
Такъ и дѣтей учить онъ царскихъ не достоинъ.
Короче: звѣри всѣ и даже самый слонъ,
Который былъ въ лѣсахъ почтенъ,
Какъ въ Греціи Платонъ,
Льву все еще казался немень
И неучень.
По счастью или нѣтъ (увидимъ это вскорѣ),
Услышавъ про царево горе,
Такой же царь, пернатыхъ царь, орель,
Который вель

Со львомъ пріязнь и дружбу,
Для друга сослужить большую взялся службу,
И вызвался самъ львенка воспитать.

У льва, какъ гору съ плечъ, свалило.
И подлинно: чего, казалось, лучше было
Царевичу царя въ учителя сыскать?

Вотъ львенка снарядили,
И отпустили

Учиться царствовать къ орлу.

Проходить годъ и два; межъ тѣмъ, кого ни
спросятъ,

О львенкѣ ото всѣхъ лишь слышатъ похвалу;
Всѣ птицы чудеса о немъ въ лѣсахъ разносятъ.

И наконецъ приходитъ срочный годъ,
Царь-левъ за сыномъ шлетъ.

Явился сынъ; тутъ царь собираетъ весь народъ,
И малыхъ, и большихъ сзываетъ;

Сынка цѣлуетъ, обнимаетъ,

И говоритъ ему онъ такъ: «любезный сынъ,
По мнѣ наслѣдникъ ты одинъ;

Я въ гробъ уже гляжу, а ты лишь въ свѣтъ
вступаешь;

Такъ я тебѣ охотно царство сдамъ.

Скажи теперь при всѣхъ лишь намъ,

Чему ученъ ты, что ты знаешь,

И какъ ты свой народъ счастливымъ сдѣлать
чаешь?»

— „Папà,“ отвѣтствовалъ сынокъ: „я знаю то,
Чего не знаетъ здѣсь никто;
И отъ орла до перепелки,

Какой гдѣ птицѣ болѣ воль,
Какая чѣмъ изъ нихъ живетъ,
Какія яйца несетъ,

И птичьи нужды всѣ сочту вамъ до иголки!
Вотъ отъ учителей тебѣ мой аттестатъ:
У птицъ не даромъ говорятъ,
Что я хватаю съ неба звѣзды;
Когда жъ намѣренъ ты правленье мнѣ вручить,
То я тотчасъ начну звѣрей учить
Вить гнѣзды.“

Тутъ ахнулъ царь и весь звѣриный свѣтъ;
Повѣсилъ головы совѣтъ,
А левъ-старикъ поздненко спохватился,
Что львенокъ пустякамъ учился
И не добро онъ говорить;
Что пользы нѣтъ большой тому знать птичій быть,
Кого звѣрьми владѣть поставила природа,
И что важнѣйшая наука для царей:
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

ДОБРАЯ ЛИСИЦА.

Стрѣлокъ весной малиновку убилъ.

Ужъ пусть бы кончилось на ней несчастье злое;

Но, нѣтъ, за ней еще должны погибнуть трое:

Онъ бѣдныхъ трехъ ея птенцовъ осиротилъ.

Едва изъ скорлупы, безъ смыслу и безъ силъ,

Малютки терпятъ голодь

И холодъ,

И пискомъ жалобно зовуть напрасно мать.

„Какъ можно не страдать,

Малютокъ этихъ видя;

И сердце чье объ нихъ не заболитъ?“

Лисица птицамъ говоритъ,

На камушкѣ противъ гнѣзда сиротокъ сидя:—

„Не киньте, милыя, безъ помощи дѣтей;

Хотя по зернышку бѣдняжкамъ вы снесите,

Хоть по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку приткните;

Вы этимъ жизнь ихъ сохраните;

Что дѣла добраго святѣй!

Кукушка, посмотри, вѣдь ты и такъ линяешь:

Не лучше ль дать себя немножко ощипать,

И перьемъ бы твоимъ постельку ихъ устлатъ?

Вѣдь попусту жъ его ты растеряешь.

Ты, жавронокъ, чѣмъ по верхамъ

Тебѣ кувиркаться, кружиться,

Ты бѣ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ,

Чтобъ съ сиротами подѣлиться.

Ты, горлинка, твои птенцы ужъ подросли,

Промыслить кормъ они и сами бы могли:

Такъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла,
Да, вмѣсто матери, къ малюткамъ сѣла,

А дѣтокъ бы твоихъ пусть Богъ

Берегъ.

Ты бѣ, ласточка, ловила мошекъ,

Полакомить безродныхъ крошекъ.

А ты бы, милый соловей—

Ты знаешь, какъ всѣхъ голосъ твой прельщаетъ—

Межъ тѣмъ, пока зефиръ ихъ съ гнѣздышкомъ
качаетъ,

Ты бѣ убаюкиваль ихъ пѣсенкой своей.

Такою нѣжностью, я твердо вѣрю,

Вы бѣ замѣнили имъ ихъ горькую потерю.

Послушайте меня: докажемъ, что въ лѣсахъ

Есть добрыя сердца, и что...» При сихъ словахъ

Малютки бѣдныя всѣ трое,

Не могли съ голоду сидѣть въ покоѣ,

Попадали къ лисѣ нанизъ.

Что жъ кумушка?—Тотчасъ ихъ сѣла

И поученья не допѣла.

Читатель, не дивись!

Кто добръ поистинѣ: не распложая слова,

Въ молчаньи тотъ добро творить;

А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжить,

Тотъ часто только добръ на счетъ другого,

Затѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакого.

На дѣлѣ же почти такіе люди всѣ—

Съ родни моей лисѣ.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЛИСИЦА.

„Скажи мнѣ, кумушка, что у тебя за страсть
Курь красть?“

Крестьянинъ говорилъ лисицѣ, всрѣтаясь съ нею.

„Я, право, о тебѣ жалѣю!

Послушай, мы теперь вдвоемъ,

Я правду всю скажу: вѣдь въ ремеслѣ твоёмъ,
Ни на волосъ добра не видно.

Не говоря уже, что красть и грѣхъ, и стыдно,
И что бранить тебя весь свѣтъ;

Да дня такого нѣтъ,

Чтобъ не боялась ты, за ужинъ иль обѣдъ,

Въ курятникѣ оставить шкуры!

Ну, стоятъ ли того все куры?“

— „Кому такая жизнь сносна!“

Лисица отвѣчаетъ:

„Меня такъ все въ ней столько огорчаетъ,
Что даже мнѣ и пища не вкусна.

Когда бъ ты зналъ, какъ я въ душѣ честна!

Да что же дѣлать? Нужда, дѣти;

Притомъ же иногда, голубчикъ-кумъ,

И то приходитъ въ умъ,

Что я ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ,

Хоть этотъ промыселъ мнѣ точно острый ножъ.“

— „Ну, что жъ?“

Крестьянинъ говоритъ: „коль вправду ты не лжешь.

Я отъ грѣха тебя избавлю,
И честный хлѣбъ тебѣ доставлю:

Наймись курятникъ мой отъ лисъ ты охранять:
Кому, какъ не лисѣ, всѣ лисьи плутни знать?

Зато ни въ чемъ не будешь ты нуждаться,
И станешь у меня, какъ въ маслѣ сырѣ, кататься..

Торгъ слаженъ, и съ того жъ часа

Вступила въ караулъ лиса.

Пошло у мужика житье лисѣ привольно;

Мужикъ богатъ, всего лисѣ довольно;

Лисица стала и сытѣй,

Лисица стала и жирнѣй,

Но все не сдѣлалась честнѣй:

Некраденый кусокъ пріѣлся скоро ей;

И кумушка тѣмъ службу повершила,

Что, выбравъ ночьку потемнѣй,

У куманька всѣхъ куръ передушила.

Въ комъ есть и совѣсть, и законъ,

Тотъ не украдетъ, не обманетъ,

Въ какой бы нуждѣ ни былъ онъ;

А воръ дай хоть миллионъ—

Онъ воровать не перестанетъ.

ЛЕВЪ И БАРСЪ.

Когда-то, въ старину,

Левъ съ барсомъ вель предолгую войну

За спорные лѣса, за дебри, за вертепы.

Судиться по правамъ—не тотъ у нихъ былъ нравъ;

Да сильные жъ въ правахъ бывають часто слѣпы.

У нихъ на это свой уставъ:

Кто одолѣеть, тотъ и правъ.

Однако, наконецъ, не вѣчно жъ драться—

И когти притупятся:

Герои по правамъ рѣшились разобратъся;

Намѣрились дѣла военны прекратить,

Окончить всѣ раздоры,

Потомъ, какъ водится, миръ вѣчный заключить

До первой ссоры.

„Назначимъ же скорѣй

Мы отъ себя секретарей,“

Льву предлагаетъ барсъ: „и какъ ихъ умъ разсудить,

Пусть такъ и будетъ.

Я, напримѣръ, къ тому опредѣлю кота:

Звѣрекъ хоть не казистъ, да совѣсть въ немъ чиста;

А ты осла назначь: онъ знатнаго же чина.

И, къ слову молвить здѣсь,

Куда онъ у тебя завидная скотина!

Повѣрь, какъ другу, мнѣ: совѣтъ и дворъ твой весь

Его копытца врядъ ли стѣять.

Положимся жъ на томъ,

На чемъ

Съ моимъ котишкой онъ устроить.“

И левъ мысль барса утведилъ

Безъ спору;

Но только не осла—лисицу нарядилъ

Онъ отъ себя для этого разбору,

Примолвя про себя (какъ видно, зналъ онъ свѣтъ):

„Кого намъ хвалить врагъ, въ томъ, вѣрно, проку
нѣтъ.“

ЛЕВЪ И ЛИСИЦА.

Лиса, не видя съ роду льва,

Съ нимъ встрѣтясь, со страстей осталась чуть
жива.

Вотъ, нѣсколько спустя, опять ей левъ попался;

Но ужъ не такъ ей страшень показался.

А третій разъ потомъ

Лиса жъ въ разговоръ пустилася со львомъ.

Иного также мы боимся,

Поколь къ нему не приглядимся.

ЛЕВЪ, СЕРНА И ЛИСА.

По дебрямъ гнался левъ за серной;
Уже ее онъ настигаль,
И взоромъ алчнымъ пожираль
Объдь себѣ въ ней сытный, вѣрный.
Спасться, казалось, ей нельзя никакъ:
Дорогу обоимъ пересѣкаль оврагъ;
Но серна легкая всѣ силы натянула;
Подобно изъ лука стрѣль,
Надъ пропастью она махнула,
И стала супротивъ на каменной скаль.
Мой левъ остановился.
На эту пору другъ его вблизи случился:
Другъ этотъ былъ лиса.
„Какъ!“ говорить она:— „съ твоимъ проворствомъ,
силой,
Ужели ты уступишь сернѣ хилой?
Лишь пожелай, тебѣ возможны чудеса;
Хоть пропасть широка, но если ты захочешь,
То, вѣрно, перескочишь.
Повѣрь же совѣсти и дружбѣ ты моей:
Не стала бы твоихъ отваживать я дней,
Когда бъ не знала
И крѣпости, и легкости твоей.“
Тутъ кровь во левѣ вскипѣла, заиграла;
Онъ бросился со всѣхъ четырехъ ногъ;
Однакожь пропасти перескочить не могъ:

Стремглавъ слетѣль—и до смерти убился.

А что жь его сердечный другъ?

Онъ потихохоньку въ оврагъ спустился,

И, видя, что ужь льву ни лести, ни услугъ

Не надо болѣ,

Онъ, на просторѣ и на волѣ,

Справлять поминки другу сталъ,

И въ мѣсяцъ до костей онъ друга оглодалъ.

Л И С А.

Зимой, ранехонько, близъ жила

Лиса у проруби пила въ большой морозъ.

Межъ тѣмъ, оплошность ли, судьба ль (не въ
этомъ сила),

Но кончикъ хвостика лисица замочила,

И къ льду онъ примерзъ.

Бѣда не велика, легко бь ее поправить:

Рвануться только посильнѣй,

И волосковъ хотя десятка два оставить,

Но до людей

Домой обратиться поскорѣй.

Да какъ испортить хвостъ! А хвостъ такой

Раскидистый и золотистый! [пушистый,

Нѣтъ, лучше подождать: вѣдь спить еще народъ;

А между тѣмъ, авось, и оттепель придетъ,
Такъ хвостъ отъ проруби оттаетъ.
Вотъ ждеть пождеть, а хвостъ лишь болѣ
примерзаетъ.

Глядитъ—и день свѣтаетъ,
Народъ шевелится, и слышны голоса:

Тутъ бѣдная моя лиса

Туда-сюда метаться,

Но ужъ отъ проруби не можетъ оторваться.

По счастью, волкъ бѣжить. „Другъ милый! кумъ!
отець!“

Кричитъ лиса:— „спаси! Пришелъ совсѣмъ конецъ!“

Вотъ кумъ остановился,

И въ спасенье лисы вступился.

Приемъ его былъ очень простъ:

Онъ начисто отгрызъ ей хвостъ.

Тутъ безъ хвоста домой моя пустилась дура,

Ужъ рада, что на ней цѣла осталась шкура.

Мнѣ кажется, что смыслъ не темень басни сей:

Щепотки волосковъ лиса не пожалѣй—

Остался бъ хвостъ у ней.

ЛИСА-СТРОИТЕЛЬ.

Какой-то левъ большой охотникъ былъ до курь;
Однакожь у него онѣ водились худо;
Да это и не чудо:
Къ нимъ доступъ былъ свободенъ черезъ-чуръ.
Такъ ихъ тѣ крали,
То сами куры пропадали.
Чтобъ этому помочь убытку и печали,
Построить вздумалъ левъ большой курятный дворъ,
И такъ его ухитить и уладить,
Чтобы воровъ совсѣмъ отвадить,
А курамъ было бѣ въ немъ довольство и просторъ.
Вотъ льву доносить, что лисица
Большая строить мастерица—
И дѣло ей поручено;
Съ успѣхомъ начато и кончено оно:
Лисой къ нему приложено
Все— и старанье, и умѣнье.
Смотрѣли, видѣли: строенье—заглядѣнье!
А, сверхъ того, все есть, чего ни спросишь тутъ:
Кормъ подъ носомъ, вездѣ натыкано насѣстокъ,
Отъ холоду и жару есть пріютъ,
И укромонныя мѣстечки для насѣдокъ.
Вся слава лисанькѣ и честь!
Богатое дано ей награжденье,
И тотчасъ повелѣнье:
На навоселье курь не медля перевести.

Но есть ли польза въ перемѣнѣ?
Нѣтъ: кажется, и крѣпокъ дворъ,
И плотень, и высокъ заборъ,
А курь часъ-отъ-часу все менѣ.

Отколь бѣда, придумать не могли,
Но левъ велѣлъ стеречь. Кого жь подстерегли?
Тое жь лису-злодѣйку.

Хоть правда, что она свела строенье такъ,
Чтобы не ворвался въ него никто никакъ,
Да только для себя оставила лазейку.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАДЪ.

Голодная кума-лиса залѣзла въ садъ,
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.

У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;

А кисти сочныя, какъ яхонты, горять;

Лишь то бѣда—висять онѣ высоко:

Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,

Хоть видить око,

Да зубъ нейметъ.

Пробившись попусту часъ цѣлый,

Пошла и говорить съ досадою: „ну, что жь?“

На взглядъ-то онъ хорошъ,

Да зелень—ягодки нѣтъ зрѣлой:

Тотчасъ оскомину набьешь.“

ЛИСИЦА И ОСЕЛЬ.

„Отколѣ умная бредешь ты голова?“

Лисица, встрѣтяся съ осломъ, его спросила.

— „Сейчасъ лишь ото льва!“

Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила:

Бывало, зарычить, такъ стонеть лѣсъ кругомъ,

И я безъ памяти бѣгомъ,

Куда глаза глядятъ, отъ этого уroda;

А нынѣ въ старости и дряхль, и хиль,

Совсѣмъ безъ силъ,

Валяется въ пещерѣ, какъ колода.

Повѣришь ли, въ звѣряхъ

Пропаль къ нему весь прежній страхъ,

И заплатилъ онъ старинными долгами:

Кто мимо льва ни шель, всякъ вымещаль ему

По-своему:

Кто зубомъ, кто рогами...“

— „Но ты коснуться льва, конечно, не дерзнулъ?“

Лиса осла перерываетъ.

— „Вотъ-на!“ осель ей отвѣчаетъ:—

„А мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ:

Пускай ослиныя копыты знаетъ!“

Такъ души низкія, будь знатень, силенъ ты,

Не смѣють на тебя поднять онѣ и взгляды;

Но упади лишь съ высоты—

Отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

ЛИСИЦА И СУРОКЪ.

„Куда такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки?“

Лисицу спрашивалъ сурокъ.

— „Охъ, мой голубчикъ-куманекъ!

Терплю напраслину, и выслана за взятки.

Ты знаешь, я была въ курятникѣ судьей,

Утратила въ дѣлахъ здоровье и покой,

Въ трудахъ куска не доѣдала,

Ночей не досыпала,

И я жъ за то подъ гнѣвъ попала;

А все по клеветамъ. Ну самъ подумай ты:

Кто жъ будетъ въ мѣрѣ правъ, коль слушать
клеветы?

Мнѣ взятки брать? да развѣ я взбѣшуся!

Ну, видывалъ ли ты, я на тебя пошлюся,

Чтобъ этому была причастна я грѣху?

Подумай, вспомни хорошенько.“

— „Нѣтъ, кумушка; я видывалъ частенько.

Что рыльце у тебя въ пуху.“

Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,

Какъ будто рубль послѣдній доживаетъ:

И подлинно, весь городъ знаетъ,

Что у него ни за собой,

Ни за женой;

А смотришь: помаленьку

То домикъ выстроить, то купить деревеньку.
Теперь, какъ у него приходъ съ расходомъ свестъ,
Хоть по суду и не докажешь,
Но какъ не согрѣшишь, не скажешь,
Что у него пушокъ на рыльцѣ есть.

МОРЪ ЗВѢРЕЙ.

Лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ—моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. Уныли звѣри;
Въ адъ распахнулись настезь двери:
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы; [горь;
Неумолимая, какъ сѣно, косить ихъ;
А тѣ, которые въ живыхъ,
Смерть видя на носу, чуть бродятъ полумертвы!
Перевернулъ совсѣмъ ихъ страхъ;
Тѣ жъ звѣри, да не тѣ въ великихъ столь бѣдахъ:
Не давить волкъ овецъ, и смиренъ, какъ монахъ;
Миръ курамъ давъ, лиса постится въ подземельѣ;
Имъ и ѣда на умъ нейдетъ.
Съ голубкой голубъ врозь живетъ,
Любви въ поминѣ больше нѣтъ:
А безъ любви какое ужъ веселье?
Въ семь горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ левъ.
Тащатся шагъ-за-шагъ, чуть держатся въ нихъ
души.

Сбредились, и въ тишинѣ, царя вокругъ обсьвъ,
Уставили глаза и приложили уши.
„О други!“—началь левъ—„по множеству грѣховъ
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ болѣ,
Пускай по доброй волѣ
Отдасть себя на жертву имъ!
Быть можетъ, что богамъ мы этимъ угодимъ,
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость гнѣва ихъ.
Кому не вѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,
Что добровольныхъ жертвъ такихъ
Бывали многіе въ исторіи примѣры?
Итакъ, смиря свой духъ,
Пусть исповѣдуетъ здѣсь всякій вслухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно иль неволью.
Покаемся, мои друзья!
Охъ, признаюсь—хоть это мнѣ и больно—
Не правъ и я!
Овечекъ бѣдненькихъ—за что?—совсѣмъ безвинно
Дираль безчинно;
А иногда—кто безъ грѣха?
Случалось, драль и пастуха;
И въ жертву предаюсь охотно;
Но лучше бъ намъ сперва всѣмъ вмѣстѣ перечестъ
Свой грѣхи: на комъ ихъ болѣ есть,
Того бы въ жертву и принесть,
И было бы богамъ то болѣе угодно.“
— „О царь нашъ, добрый царь! Отъ лишней
доброты,“—

Лисица говорить, — „въ грѣхъ это ставишь ты.
Коль робкой совѣсти во всемъ мы станемъ
слушать,
То придетъ съ голоду пропасть намъ наконецъ;
Притомъ же, нашъ отецъ,
Повѣрь, что это честь большая для овецъ,
Когда ты ихъ изволишь кушать.
А что до пастуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ—
Ихъ чаще такъ учить, имъ это по дѣломъ:
Безхвостый этотъ родъ лишь глупой спесью
дышетъ,
И нашими себя вездѣ царями пишетъ.“
Окончила лиса; за ней на тотъ же ладъ,
Льстецы льву то же говорятъ,
И всякій доказать спѣшить на перехватъ,
Что даже не въ чемъ льву просить и отпущенья.
За львомъ медвѣдь и тигръ, и волки, въ свой
Во весь народъ [чередъ,
Повѣдали свои смиренно погрѣшенья;
Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
Никто и шевелить не смѣлъ;
И всѣ, кто были тутъ богаты
Иль когтемъ, иль зубкомъ, тѣ вышли вонъ,
Со всѣхъ сторонъ
Не только правы, чуть не святы.
Въ свой рядъ смиренный волю имъ такъ мычить:
„и мы
Грѣшны. Тому лѣтъ пять, когда зимой кормы
Намъ были худы,
На грѣхъ меня лукавый натолкнулъ;

Ни отъ кого себѣ найдти не могли ссуды,
Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ.“
При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки;
Кричатъ медвѣди, тигры, волки:

Смотри, злодѣй какой!

Чужое сѣно ѣсть! Ну, диво ли, что боги
За беззаконіе его къ намъ столько строги!
Его, безчинника, съ рогатой головой,
Его принести богамъ за всѣ его проказы,
Чтобъ и тѣла намъ спасти, и нравы отъ заразы!
Такъ, по его грѣхамъ у насъ и морь такой!“

Приговорили—

И на костеръ вола взвалили

И въ людяхъ также говорятъ:

Кто посмирнѣй, такъ тотъ и виноватъ.

ОБѢДЪ У МЕДВѢДЯ.

Медвѣдь обѣдъ давалъ,

И созвалъ не одну родню свою, медвѣдей,

Но и другихъ звѣрей сосѣдей,

Кто только на глаза и въ мысль ему попадъ.

Поминки ль были то, рожденъе, именины,

Но только праздникъ тотъ принеси медвѣдю честь,

И было у него попить что и поѣсть.

Какое кушанье! какой десертъ и вины!

Медвѣдь примѣтилъ самъ,
Что гости веселы, пирушкою довольны;
А чтобы угодить и болѣе друзьямъ,
Онъ тосты затѣваль, и пѣсней пѣлъ застольны;
Потомъ, какъ со стола ужъ начали собирать,
Пустился танцовать.
Лиса въ ладоши хлопъ: „ай Миша, какъ пріятень!
Какъ ловокъ въ танцахъ онъ, какъ легокъ, милъ
и статень!“
Но волкъ, сидѣвши рядомъ съ ней,
Ворчалъ ей на ухо: „ты врешь, кума, ей-ей!
Откуда у тебя такая блажь берется?
Ну что тутъ ловкаго? какъ ступа онъ толчется.“
— „Вздоръ самъ ты мелешь, кумъ,“ — лиса на
то въ отвѣтъ:—
„Не видишь, что хвалю танцора за обѣдъ!
А если похвала въ немъ гордости прибавить,
То, можетъ быть, онъ насъ и ужинать оставить.“

ПЕСТРЫЯ ОВЦЫ.

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ просто бы ему перевести не трудно,
Но это было бы неправосудно:
Онъ не на то носилъ въ лѣсахъ вѣнецъ,
Чтобъ подданныхъ душить, но имъ давать рас-
праву;

А видѣть пеструю овцу терпѣнья нѣтъ!
 Какъ сбыть ихъ, и свою сберечь на свѣтѣ славу?
 И вотъ къ себѣ зоветъ
 Медвѣдя онъ съ лисою на совѣтъ,
 И имъ за тайну открываетъ,
 Что, видя пеструю овцу, онъ всякій разъ
 Глазами цѣлый день страдаетъ,
 И что придетъ ему совсѣмъ лишиться глазъ,
 И, какъ такой бѣдѣ помочь, совсѣмъ не знаетъ.
 „Всесильный левъ!“ сказалъ насупившись медвѣдь:
 „На что тутъ много разговоровъ?
 Вели безъ дальнихъ сборовъ
 Овецъ передуть Кому о нихъ жалѣть?“
 Лиса, увидѣвши, что левъ нахмурилъ брови,
 Смиренно говорить:— „О царь! нашъ добрый царь!
 Ты, вѣрно, запретишь гнать эту бѣдную тварь,
 И не прольешь невинной крови.
 Осмѣлюсь я совѣтъ иной произнести:
 Дай повелѣнье ты луга имъ отвести,
 Гдѣ бъ былъ обильный кормъ для матокъ,
 И гдѣ бы поскакать, побѣгать для ягняткъ;
 А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь
 недостатокъ,
 То прикажи овецъ волкамъ пасти.
 Не знаю, какъ-то мнѣ сдается,
 Что родъ ихъ самъ собой переведется.
 А между тѣмъ пускай блаженствуютъ онѣ;
 И что бъ ни сдѣлалось, ты будешь въ сторонѣ.“
 Лисицы мнѣніе въ совѣтъ силу взяло,
 И такъ удачно въ ходъ пошло, что наконецъ

Не только пестрыхъ тамъ овецъ—
И гладкихъ стало мало.

Какіе жь у звѣрей пошли на это толки?—
Что левъ бы и хорошъ, да все злодѣи волки.

П И Р Ъ.

Въ голодный годъ, чтобы утѣшить мѣръ,
Затѣялъ левъ богатый пиръ.
Разосланы гонцы и скороходы,
Зовутъ гостей:
Звѣрей
И малой и большой породы.
На зовъ со всѣхъ сторонъ стекаются ко леву.
Какъ отказать такому зву?
Пиръ дѣло доброе и не въ голодные годы.
Вотъ приплелись туда жь сурокъ, лиса и кротъ,
Да только часомъ опоздали,
И за столомъ гостей застали.
У кумушки-лисы хлопотъ
На ту бѣду случился полонъ ротъ;
Сурокъ проходился, промылся,
А кротъ съ дороги сбился.
Однакожь натошакъ никто домой нейдетъ,
И, мѣсто подлѣ льва увидѣвши пустое,
Всѣ на него хотятъ пробраться трое.

„Послушайте, друзья!“ сказалъ имъ барсъ:—
„То мѣсто широко, да только не про васъ.
Туть придетъ слонъ, и васъ сойти заставитъ,
Иль хуже: васъ онъ передавитъ.
Итакъ,
Когда не хочется домой вамъ натошакъ,
Такъ оставайтесь у порогу:
Вы сыты будете, и это слава Богу,
Мѣста не ваши впереди:
Ихъ берегутъ звѣрямъ лишь крупнаго покроя;
А кто изъ мелочи не хочетъ кушать стоя,
Тотъ дома у себя сиди.“

ЛЕВЪ НА ЛОВЛѢ.

Собака, левъ да волкъ съ лисой

Въ сосѣдствѣ какъ-то жили,

И вотъ какой

Между собой

Они завѣтъ всѣ положили:

Чтобъ имъ звѣрей собща ловить,

И, что наловится, все поровну дѣлить.

Не знаю какъ и чѣмъ, а знаю, что сначала

Лиса оленя поимала,

И шлетъ къ товарищамъ пословъ,

Чтобъ шли дѣлить счастливый ловъ:

Добыча право не дурная!

Пришли, пришелъ и левъ; онъ, когти разминая
И озираючи товарищей кругомъ,
Дѣлежь располагаетъ,
И говорить: „мы, братцы, вчетверомъ.“
И начетверо онъ оленя раздражаетъ.

„Теперь давай дѣлить! Смотрите же, друзья:

Вотъ эта часть моя

По договору;

Вотъ эта мнѣ, какъ льву, принадлежитъ безъ спору:

Вотъ эта мнѣ за то, что всѣхъ сильнѣе я;

А къ этой чуть изъ васъ лишь лапу кто протянетъ,

Тотъ съ мѣста живъ не встанетъ.“

СЛОНЪ ВЪ СЛУЧАѢ.

Когда-то въ случай слонъ попалъ у льва.
Въ минуту по лѣсамъ прошла о томъ молва,

И, такъ какъ водится, пошли догадки:

Чѣмъ въ милость втерся слонъ?

«Не то красивъ, не то забавень онъ;

Что за приѣмъ, что за ухватки!»

Толкуютъ звѣри межъ собой.

— «Когда бы,» говоритъ, вертя хвостомъ лисица,

«Быль у него пушистый хвостъ такой,

Я не дивилась бы.» — «Или, сестрица,»

Сказаль медвѣдь: — „хотя бы по когтямъ

Онъ сдѣлался случайнымъ,

Никто того не счель бы чрезвычайнымъ;

Да онъ и безъ когтей, то всѣмъ извѣстно намъ.“
— „Да не вошелъ ли онъ въ случай клыками?“
Вступился въ рѣчь ихъ волкъ:—
„Ужъ не сочли ли ихъ рогами?“
— „Такъ вы не знаете,“ сказалъ осель,
Ушами хлопая:— „чѣмъ могъ онъ полюбиться,
И въ знать добиться?“

А я такъ отгадалъ:
Безъ длинныхъ бы ушей онъ въ милость не попалъ “
Нерѣдко мы, хотя того не примѣчаемъ,
Себя въ другихъ охотно величаемъ.

Щ У К А.

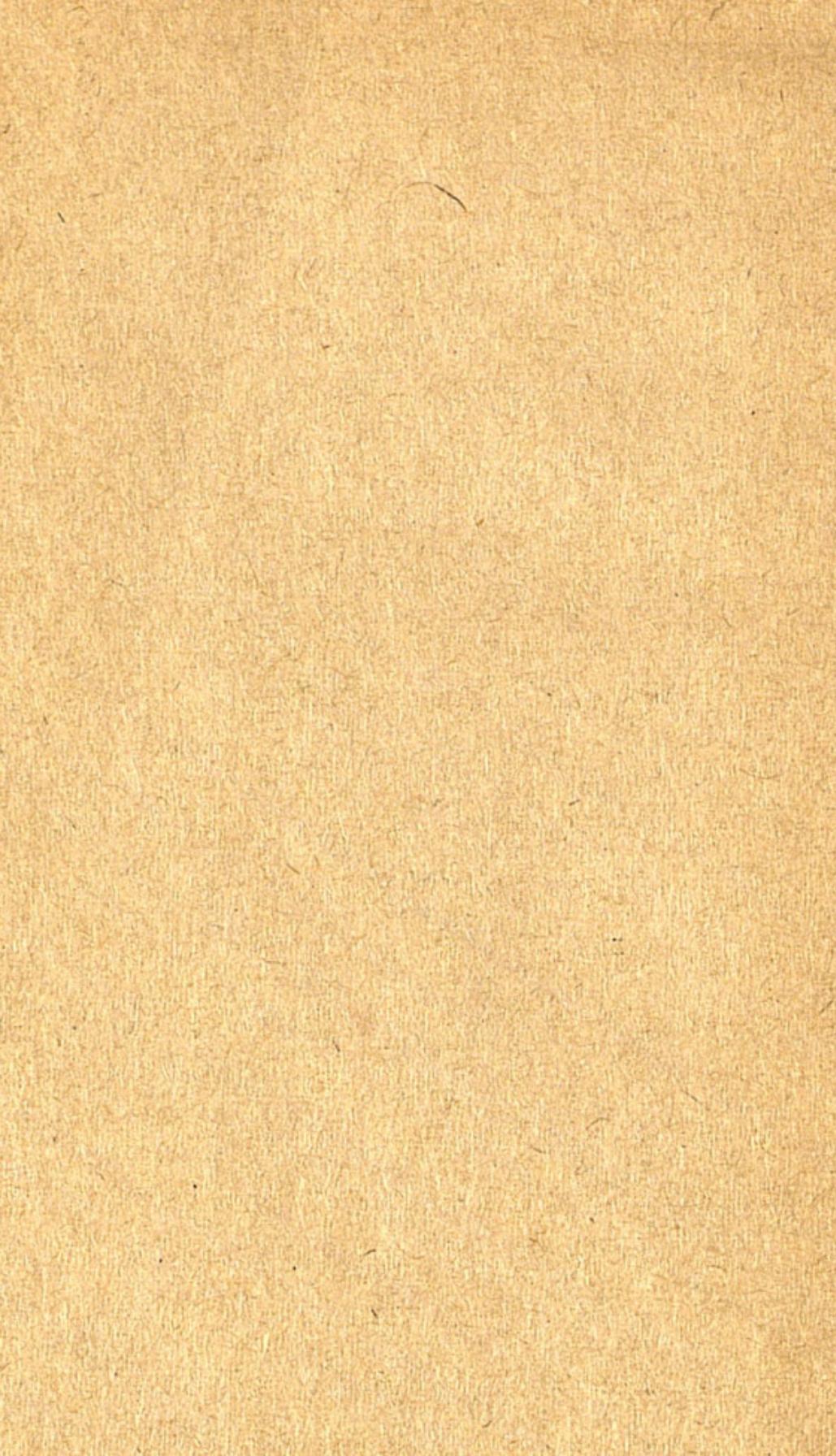
На шуку поданъ въ судъ доносъ,
Что отъ нея житья въ прудѣ не стало;
Уликъ представленъ цѣлый возъ,
И виноватую, какъ надлежало,
На судъ въ большой лахани принесли.
Судьи невдалекѣ сбирались:
На ближнемъ ихъ лугу пасли;
Однакожъ имена въ архивѣ ихъ остались:
То были два осла,
Двѣ клячи старыя да два иль три козла;
Для должнаго жъ въ порядкѣ дѣлъ надзора,
Имъ придана была лиса за прокурора.

И слухъ между народа шель,
Что щука лисанькѣ снабжала рыбный столъ;
Со всѣмъ тѣмъ не было въ судьяхъ лицепріязни:
И то сказать, что щукиныхъ проказъ
Удобства не было закрыть на этотъ разъ.
Такъ дѣлать нечего: пришло писать указъ,
Чтобъ виноватую предать позорной казни,
И, въ страхъ другимъ, повѣсить на суку.
„Почтенные судьи!“ лиса тутъ приступила:—
„Повѣсить мало; я-бъ ей казнь опредѣлила,
Какой не видано у насъ здѣсь на вѣку:
Чтобъ было впредь плутамъ и страшно, и опасно,
Такъ утопить ее въ рѣкѣ.“— „Прекрасно!“
Кричатъ судьи. На томъ рѣшили всѣ согласно,
И щуку бросили въ рѣку!

А К У Ш

ЦѢНА 5 КОП.

2007115422